

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ПРАВА

УДК 91

В.Н. Дежнев,
г. Шадринск

Армия и церковь накануне революции

В статье рассмотрено состояние русской армии в 1916 году, ее объективные возможности для успешного продолжения войны, роль военного духовенства и его реальное влияние на состояние духа войск.

Первая мировая война, русская армия, военное духовенство.

V. N. Dezhnev,
Shadrinsk

The army and the Church on the eve of revolution

This article considers the state of the Russian army in 1916, its objective possibilities for a successful continuation of the war, the role of chaplains and its real impact on the morale of the troops.

Keywords: *The first world war, the Russian army, the military clergy.*

Состояние России и ее армии накануне революционных событий 1917 года оценивается участниками и очевидцами событий, исследователями этого периода достаточно противоречиво. В книге «Мировой кризис» У. Черчилль дал такую оценку России кануна Февральской революции: «Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России... В марте царь был на престоле; Российская империя и русская армия держались, фронт был обеспечен и победа бесспорна» [8].

В речи П. Н. Милюкова на заседании Государственной думы 1 ноября 1916 г., получившей название «Глупость или измена?» и косвенно ускорившей революционные события 1917 года, было сказано: «Мы те же на 27-м месяце войны, какими были на 10-м и какими были на первом. Мы по-прежнему стремимся к полной победе, по-прежнему готовы нести необходимые жертвы и по-прежнему хотим поддерживать национальное единение. Но я скажу открыто: есть разница в положении. Мы потеряли веру в то, что эта власть может нас привести к победе..., ибо по отношению к этой власти и попытке исправления, и попытки улучшения, которые мы тут предпринимали, не оказались удачными» [5].

Но была ли Россия, ее воюющая армия осенью 1916 года теми же, что и в 1914 году, была ли она способна к борьбе, жертвам и победам, можно ли было одной лишь сменой правительства решить все накопившиеся проблемы?

С осени 1915 года в тыловых частях появились случаи волнений, а в 1916 году уже в действующей армии стали иметь место факты братания с солдатами противника, отказов выполнять боевые приказы. Протопресвитер военного и морского духовенства Г.И. Шавельский в своих воспоминаниях приводит случай отказа в декабре 1916 г. идти в наступление солдат 17-го Сибирского стрелкового полка. В результате принятых мер полк

был приведен в повиновение, важную роль в этом сыграла и проповедь Г.И. Шавельского. Но в целом брожение на фронте и в тылу только нарастало.

Уже при Временном правительстве обстановка многократно усугубилась. Г.И. Шавельский пишет: «В конце мая 1917 г., когда революционные "мудрецы" уже успели развратить фронт, я посетил 63 Сибирский стрелковый полк. Полк митинговал и отказывался идти в окопы. Я попробовал заговорить тем языком, что в декабре 1916 г. говорил в 17 Сибирском стрелковом полку. Результат получился совершенно обратный: разъяренная толпа чуть не растерзала меня. Я спасся, только благодаря старослужащим солдатам, которые задержали напор озверевших и этим дали мне возможность сесть в автомобиль. На следующий день подобный же сюрприз постиг меня во 2-ой Гренадерской Кавказской дивизии, также не желавшей идти в окопы. Начальник дивизии прямо предупредил меня: "Будьте осторожны в каждом слове, иначе я ни за что не ручаюсь!" Моя беседа сопровождалась выкриками и издевательствами со стороны солдат» [9].

Очевидно, что проблема была не в смене правительства, да и не только в «революционных "мудрецах"». Генерал А.И. Деникин видел причину в падении религиозности, в своих очерках он писал: «Испокон века вся военная идеология наша заключалась в известной формуле: «За веру, царя и Отечество». На ней выросли, воспитывались и воспитывали других десятки поколений. Но в народную массу, в солдатскую толщу эти понятия достаточно глубоко не проникали. Религиозность русского народа, установившаяся за ним веками, к началу 20 столетия несколько пошатнулась» [2].

Оценивая деятельность военных священников, А.И. Деникин отмечает: «Не хочу обвинять огульно православное военное духовенство. Много представителей его проявили подвиги высокой доблести, мужества и самоотвержения. Но надо признать, что духовенству не удалось вызвать религиозного подъема среди войск» [2].

Но была ли в том вина военного духовенства, была ли у военных пастырей реальная возможность сформировать у воинов достаточный уровень духовной готовности к борьбе и победе в войне? Казалось бы, что для этого были все предпосылки. В начале XX века православие представляло собой наиболее массовое на территории России вероисповедание и широко разветвленную организацию. Православные составляли около 70% населения, в стране действовало 48376 православных церквей, численность духовенства составляла 123676 человек [7, с. 380].

Русская православная церковь несла основную нагрузку по религиозно-нравственному воспитанию личного состава вооруженных сил. Это обуславливалось, с одной стороны, ее особым положением в государстве, а с другой – преобладанием православных среди военнослужащих. В российской армии православные генералы и полковники составляли около 85%, а нижние чины – 75% [6]. Для окормления военнослужащих других вероисповеданий в составе военного духовенства были представители этих религий. С началом войны корпус военного духовенства вырос с тысячи человек мирного времени до пяти тысяч. К работе с запасными частями дополнительно привлекалось епархиальное духовенство.

Непосредственную работу по проведению богослужений, религиозному просвещению и нравственному воспитанию вели военные священники полков и кораблей. Координация и контроль за их деятельностью возлагались на благочинных дивизий, главных священников армий и фронтов, на протопресвитера военного и морского

духовенства, находившегося в Ставке Верховного Главнокомандования. Их деятельность определяло «Положение об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомства», утвержденное царем 12 июня 1890 года. Военное духовенство имело богатые традиции и опыт пастырской деятельности. Священники появились в русской армии во времена Алексея Михайловича, а при Петре I их присутствие в полках и на кораблях становится постоянной. Основными обязанностями в ходе боевых действий были отправление религиозных обрядов, религиозное обучение и воспитание, а также оказание первой медицинской помощи раненым, исповедование и утешение умирающих, отпевание и похороны убитых, извещение родственников погибших и т.п.

Священники подавали и личный пример мужества, храбрости и героизма. Генерал А.А.Брусилов, вспоминая о неудачах русской армии в 1915г., писал: «В тех жутких контратаках среди солдатских гимнастеров мелькали черные фигуры – полковые батюшки, подоткнув рясы, в грубых сапогах шли с воинами, ободряя робких простым евангельским словом и поведением... Они навсегда оставались там, на полях Галиции, не разлучившись с паствой» [1]. Подтверждением заслуг военного духовенства являются и многочисленные награды, полученные священниками в ходе русско-японской и первой мировой войн.

Отдавая должное самоотверженности и героизму военных священников, следует все же внимательнее проанализировать реальные возможностями и объективные условия, в которых их деятельность происходила.

Важным фактором, определявшим состояние духа войск, была обеспеченность вооружениями, боеприпасами, продовольственным и ином снабжение. В этом вопросе в предвоенное время и входе войны были большие просчеты, особенно острыми ощущались недостаток тяжелой полевой артиллерии, «снарядный и патронный голод», отсутствие автоматического оружия в стрелковых подразделениях, недооценка роли минометов. В предвоенное время вместо развития собственной военной промышленности заказы размещались за границей, поэтому оперативно решать возникающие проблемы обеспечения армии нужным вооружением и в нужных количествах не было возможности. Все это привело к большим и неоправданным потерям, отрицательно повлиявшим на состояние духа армии.

Комплектование армии, подготовка резерва не отвечали задачам массовой и длительной войны. Выдвижение офицеров по службе в мирное время без учета реальных заслуг привело к слабой военной подготовке в звене от командира полка и выше. Назначенные в июле 1914 года первые лица Ставки – Верховный Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, начальник штаба генерал Н.Н. Янушкевич и генерал-квартирмейстер генерал Ю.Н. Данилов не имели опыта руководства войсками в ходе боевых действий, не участвовали в русско-японской войне. Большинство офицеров низового звена выбыло из строя в первый год войны, пришедшие им на смену прапорщики запаса чаще всего вообще не имели опыта военной службы.

Резерв нижних чинов, ранее служивших в армии, был исчерпан первой мобилизацией 1914 года. В последующем приходили новобранцы и резерв второй очереди, получавших короткую подготовку в запасных батальонах. У них не было ни умения, ни желания воевать, особенно в связи с ухудшением обстановки в стране в целом. Историк А.А. Керсновский, описывая обстановку в армии на 1916 год, отмечает, что несмотря на

ежедневные потери позиционной войны, состав войск был значительно пополнен новыми призывами, которые практически исчерпали призывные возможности населения. Но «всю эту массу призванных нечем было вооружить, а главное – некому было обучить. Прибывшие пополнения оказывались совершенно непригодными к постановке в окопы после шестинедельного обучения, вернее «пребывания на довольствии» в запасных полках и батальонах» [4].

Патриотический подъем начала войны, который довольно быстро себя исчерпал, не был в последующем дополнен ясными и понятными народу разъяснениями о целях продолжавшихся боевых действий, формула «За Бога, Царя и Отечество», идеи «славянского братства» и рассказы об ужасах, творимых германскими войсками, уже не срабатывали. А трудности и лишения солдатских семей в тылу, тяготы окопной жизни настраивали против бессмысленной и кровопролитной войны.

Проблема деятельности военного духовенства усугублялась еще и тем, что на одного священника приходилось несколько, иногда более десяти, тысяч военнослужащих. Священники зачастую не стали «своими» ни среди офицеров, ни среди солдат, не находили взаимопонимания с командирами частей. Наиболее острые вопросы, ответы на которые хотели солдаты, были политическими, а беседы и разговоры на политические темы священникам были запрещены. Могли ли быть успешными в этих условиях усилия по формированию духа армии?

Видимо достижение духовного подъема войск было объективно недостижимо. Что касается объяснения морального упадка войск снижением религиозности, то это утверждение скорее всего несостоятельно. В условиях войны, бед и страданий религиозность всегда повышается. Другое дело, что снижалась воцерковленность. Произошло не падение веры в Бога, а кризис идеологии, кризис веры в царя и государство. Церковь, тесно связанная с государством, виделась как одна из причин этих бед и страданий, а священники и офицеры становились в глазах солдатской массы олицетворением этих враждебных сил. Следствием этого и стали эксцессы в 1917 году в отношении этих категорий.

После февральской революции 1917 года, когда Временное правительство освободило православных солдат от обязанности соблюдения церковных таинств, военное духовенство с тревогой сообщало о безразличном отношении солдат к религии. Священник 113 бригады государственного ополчения уведомлял: «В марте... вход священнику с беседами в роты стал невозможен, оставалось только молиться в храме. Богомольцев вместо 200 – 400 человек стало 3-10 человек... не редкость при случайной встрече стали насмешки и хулы по адресу священника и офицера» [3, с. 64 – 67].

В этих условиях собрался 2-й Всероссийский съезд военного и морского духовенства, проходивший в Могилеве 1-11 июля 1917 года. Главным на нем был вопрос о современном положении священника в войсках. Съезд поддержал политику временного правительства и призвал напрячь все силы для победоносного окончания войны. Особое внимание состоянию дел в армии уделил открывшийся 15 августа 1917 года Поместный собор Русской православной церкви. Собор вынужден был признать, что «вера русского воина ослабла». В принятом послании Собора к армии и флоту содержался призыв вернуться к Богу, к правде, к своему великому долгу. Но попытки Поместного Собора

удержать своими призывами армию от разложения успехом не увенчались, а через четыре месяца был отменен и институт военного духовенства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брусилов, А. А. Мои воспоминания [Электронный ресурс] / А.А. Брусилов. – Доступ с сайта ЭБ E-LIBRA.RU. – Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/101221-moi-vospominaniya.html>.
2. Деникин, А.И. Очерки русской смуты [Электронный ресурс] / А.И. Деникин. – Париж, 1921. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/index.html.
3. Емелях, Л. Атеизм и антиклерикализм народных масс в 1917 г. [Текст] / Л. Емелях // Вопросы истории религии и атеизма. – М., 1958. – Вып. 5.
4. Керсновский, А.А. История Русской армии. Т. 4 [Электронный ресурс] / А.А. Керсновский. – Режим доступа: <http://lib.rin.ru/doc/i/56601p.html>.
5. Милюков, П. Н. Речь на заседании Государственной думы [Электронный ресурс] : из стенограммы заседания 1 ноября 1916 г. / П.Н. Милюков. – Режим доступа: <http://doc20vek.ru/node/1428>.
6. Режепо, П.А. Офицерский вопрос в начале XX века. Статистика генералов [Электронный ресурс] / П.А. Режепо. – СПб, 1903. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/vs17/04.html>.
7. Русское православие: вехи истории [Текст] / науч. ред. А.И. Клибанова. – М., 1989.
8. Черчилль, У. Мировой кризис [Электронный ресурс] / У. Черчилль. – Доступ с сайта ЭБ RoyalLib.com. – Режим доступа: http://royallib.com/book/cherchill_uinston/mirovoy_krizis.html.
9. Шавельский, Георгий. Воспоминания последнего Протопресвитера Русской Армии и Флота [Электронный ресурс] / Г.И. Шавельский. – Доступ с сайта ЭБ RoyalLib.com. – Режим доступа: http://royallib.com/book/shavelskiy_georgiy/vospominaniya_poslednego_protopresvitera_russkoy_armii_i_flota_to_m_1_2.html.

УДК 39;930

В. Д. Пузанов,
г. Шадринск

Военная служба нерегулярных частей российской империи в Сибири XVIII в.

В XVIII в. после военных реформ Петра I нерегулярные войска оставались важной частью русской армии. В середине XVIII в. обострились отношения на юге Сибири России с Джунгарией, а затем с Китайской империей. В это время правительство направило в Сибирь отряды донских и яицких казаков, башкир для защиты края.

Ойраты, башкиры, казаки, нерегулярные войска, линия.

V.D. Puzanov,
Shadrinsk

Military irregular parts of the Russian empire in Siberia in the 18th century